

ВРАЩАЯ РАЗНОЦВЕТНЫЙ ГЛОБУС

Продолжение

Мы уже добрались до берегов Средиземного моря – и дальше начинается Европа. Римская империя – становой хребет европейской цивилизации – определяла эту удивительную, почти запечатанную Гибралтарским проливом часть Атлантики довольно просто – *mare nostrum*, «наше море». Конечно же, оно не было изначально «нашим». Были и финикийцы, о которых мы уже говорили, они основали торговые колонии по всему периметру моря и даже за его пределами – на атлантическом побережье нынешней Испании; был и мощный карфагенский флот, и киликийские пираты, с которыми сражался Помпей Великий (впоследствии покоривший Иудею), и флот египетской царицы Клеопатры, разгромленный Августом в знаменитой битве при Акциуме. И еще за 10 – 12 столетий до этого на восточное и южное побережья совершали регулярные набеги так называемые «морские народы», скорее всего – наследники таинственно ушедшей с лица Земли крито-микенской цивилизации. Египетские фараоны трепетали от страха, но жестокие набеги на прибрежные области ограничивались, как правило, грабежом и не угрожали центральной власти. На востоке же «морские народы» высадились и осели надолго – в районе нынешних Ашкелона, Ашдода, Газы. Это были – филистимляне, индоевропейский народ, который принес на Ближний Восток передовую технологию обработки железа (более высокую, чем у хеттов – тоже, кстати, индоевропейцев, – хотя, возможно, изначально воспринятую именно от них). Вероятно, они были рослыми и весьма боеспособными (вспомним Голиафа), но едва ли многочисленными. Городов они не строили, довольствуясь тем, что досталось от покоренных племен. В конце концов филистимляне, побежденные армиями Давида и Соломона, растворились в общей массе населения и исчезли без следа, не оставив ни надписей, ни каких-либо иных материальных свидетельств; и о языке их, как и вообще о языках народов эгейской цивилизации, до сих пор ничего не известно, – во всяком случае, имеющиеся в распоряжении ученых скудные записи до сих пор не расшифрованы. Один из моих оппонентов утверждал, что нынешние палестинцы – это прямые потомки филистимлян, отсюда, дескать, у них такая ненависть к евреям. Соглашусь лишь с одним – ненависть действительно является определяющим чувством в значительной части палестинского общества – наряду с завистью (евреи превратили пустыню в цветущий сад на землях, откупленных у палестинских арабов) и национальным унижением (они хозяйничают на земле, завоеванной воинами ислама!). Впрочем, есть и другие версии. Главный идеолог исламизма на российской почве Гейдар Джемаль утверждает, что палестинцы – это одичавшие евреи, обращенные в «истинную веру» победоносными войсками халифа Омара в середине VII века н. э. Наиболее экзотический взгляд, как ни удивительно, на Украине, где академик Кандыба уверяет, что Палестина – это искаженное «Паленый стан», бывший одним из центров Древней (Киевской) Руси. Соответственно, Иерусалим – это «Русская Олонь», гора Сион – это «Сиян», и даже Яхве – это местное произношение русского (или украинского?) божества Явь.

Впрочем, и в некоторых учебниках написано, что украинский язык в глубокой древности был языком межнационального общения и позже получил название «санскрит»...

Тем не менее, именно библейская история расселения евреев находит постоянное подтверждение в археологических свидетельствах, равно как консолидация государства и вытеснение или поглощение других семитских племен. В эпоху Царств это было мощное государство, способное угрожать соседям. Правда, нашлись и посильнее – та же Библия описывает и вавилонское пленение, и возвращение из плена. За пределами Священной книги – победоносное шествие Александра Македонского, державы диадохов, приход римлян. Именно от них идет название «Палестина» – то есть «филистимская». Изначально греческое,

обозначавшее узкую полосу от Яффы до Газы, оно было специально применено римлянами, чтобы унижить гордых евреев, настаивавших на сохранении единобожия и отрицавших греко-римский языческий пантеон. Еще при греческом владычестве этот принцип стал движущей силой восстания Маккавеев, потомки которых (Хасмонейская династия) носили уже и греческие имена, и не слишком настаивали на единобожии. Название «Израиль» было забыто, существовала лишь вассальная Иудея, потом лишь римская, а затем византийская провинция...

Это уже эпоха Нового Завета, эпоха Иисуса Христа и его последователей. Заметьте – апостолы не шли ни на Восток, ни на Юг, ни на Север – лишь на Запад. На Кипр, в Малую Азию, в Грецию, в Рим, ставший Престолом Святого Петра... Апостол Андрей, по преданию, прошел всю Европу, Мария Магдалина высадилась с корабля в районе нынешнего Марселя. На этом предположении, якобы зафиксированном в книге влиятельной еврейской общины Нарбонны, основаны десятки современных романов, в том числе и нашумевший «Код да Винчи» Дэна Брауна. Задолго до Брауна вышел в свет роман Петера Берлинга «Дети Грааля», гораздо более информативный, более содержательный, по сравнению с которым роман Дэна Брауна представляется творением не очень успешного ученика. Странно – роман Берлинга не менее, если не более, занимателен и кинематографичен. Но и более серьезен – может быть, поэтому он не привлек внимание голливудских сценаристов. Хотя ведь была очень успешная экранизация шедевра Умберто Эко – «Имя розы», о тех же раннехристианских рукописях!

Одна из более или менее современных легенд – это предположение о том, что Христос, в жизнеописании которого имеются, как говорится, «лакуны» – с момента взросления и до начала проповеди, – путешествовал вовсе не в Египет, а в Индию, где общался с «махатмами» – существами, которые... впрочем, лучше у Блаватской или что-то даже у Рериха.

Христианство, пришедшее с Востока, полностью преобразило и Европу, и обширные регионы Азии и Африки. Америка и Австралия еще не были открыты. А евреи, лишенные своего национального очага, рассеялись по всему миру, добрались и до Индии, и до Китая, уж не говоря о Европе. Диаспора – *галут* по-древнееврейски – существует и до сих пор, и лишь совсем недавно численность евреев в диаспоре уступила их численности в Израиле.

Но и во времена рассеяния малая толика евреев оставалась в Иерусалиме и в других городах страны. Они были там всегда; даже во времена жестоких войн, когда евреи были одной из целей уничтожения, кто-то сохранял свой дом и хранил свет древней веры. Они с неприязнью приняли еврейских переселенцев из Европы, хлынувших в Палестину в начале XX века. Те несли с собой чуждые пониманию глубоко верующих людей понятия – капитализм, социализм... Капитал, помощь барона Ротшильда, других предпринимателей помогли выкупить почти бесплодную землю, на которой бедуины пасли своих тощих коз. Очень скоро на этой земле возникли киббуцы и мошавы – общинные предприятия социалистического типа. Энтузиазм поселенцев был велик – и почти в одночасье бесплодная земля превратилась в цветущие сады и высокоурожайные плантации. Выкупались новые участки, создавались новые киббуцы... Выкуплен у нищих арабских «хозяев» был практически весь современный Израиль. Мало кому это нравилось, и меньше всего националистическим арабским лидерам, даже после краха Третьего рейха разделявшим идеи Гитлера. Муфтий Иерусалима аль-Хусейни (к семье которого, по некоторым сведениям, принадлежал Ясир Арафат) объявил джихад после того, как 14 мая 1948 года была провозглашена независимость Израиля. До этого была резолюция ООН, предусматривающая раздел Британской подмандатной территории Палестины на два государства – еврейское и арабское. Но все арабские страны – члены ООН – дружно проголосовали против. Резолюция, тем не менее, вступила в силу, и вскоре Израиль стал полноправным членом международного сообщества, отстояв свою независимость в жестокой войне против всего арабского мира, Первой войне, за которой последовали другие, – арабы так и не смирились с существованием на территории, которую они считали своей, «сионистского образования». Но в открытых военных действиях Израиль неизменно выигрывал, арабов же, совокупная военная мощь которых многократно превышала израильскую, столь же неизменно ожидало быстрое и унижительное поражение. Именно поэтому после краха в «шестидневной войне» 1967 года вспомнили они старую резолюцию ООН о двух государствах в Палестине, которую они же сами когда-то отвергали. На мировой сцене «внезапно» появился «арабский народ Палестины», впоследствии просто «палестинцы». С этнографической точки зрения этот термин имеет весьма ограниченный смысл – «палестинцы» по языку, обычаям и другим признакам мало чем отличаются от населения окружающих арабских стран. Зато он имеет смысл политический, и убийственно серьезный –

ведь речь идет о тех и потомках тех арабов, что жили в Палестине до образования государства Израиль. Стало быть, это их земля, их родина, в возвращении на которую им отказано.

Но вспомните: ведь эта земля в значительной мере была куплена, и за немалые деньги, еврейскими поселенцами зачастую еще до образования государства Израиль! Когда же в 1948 году арабские армии обрушились на него всей своей военной мощью, уже упомянутый муфтий аль-Хусейни призвал живущих в Израиле арабов бросить свои дома и бежать, обещая им скорое возвращение – после того, как все евреи будут сброшены в море. «Скорое возвращение» не состоялось. Так возникла проблема «палестинских беженцев», лагеря которых были образованы практически по всему периметру тогдашнего Израиля. Управление ООН по делам беженцев охотно взяло их под свою опеку; однако ни одной серьезной попытки к тому, чтобы эти беженцы получили новую родину в одной из соседних арабских стран, предпринято не было. Прежде всего потому, что их, «страдающих арабских братьев», никто не хотел принимать. Арабские лидеры не хотели и не хотят упускать из рук столь мощный инструмент давления на такой гуманный, такой мягкий, податливый западный мир. После многочисленных локальных конфликтов второй половины XX века в Африке, Азии, Юго-Восточной Европе появлялись многие миллионы беженцев, однако их судьба в подавляющем большинстве случаев решалась более или менее благополучно. Но это никогда не касалось палестинских арабов. Нищие и униженные, на скудном содержании ООН и радикальных местных организаций, эти беженцы легко становились и становятся до сих пор «пушечным мясом» исламистского терроризма. Этих «беженцев», численность которых (то есть тех, кто претендует на землю своих предков в нынешнем Израиле) уже давно превышает миллион, Израиль вовсе не хотел бы приветствовать на своей земле, хотя, возможно, смог бы им предоставить и какой-то кров, и работу. Но ведь вместе с этим новым поселенцам нужно было бы предоставить и гражданские права, необходимые по закону демократического государства. Это же касается и так называемых «оккупированных в 1967 году территорий», на которых и должно было быть создано «Арабское государство Палестина». Израильские правые круги (во всяком случае, их часть) настаивают на аннексии этих территорий, поскольку они относятся к понятию «Эрец Исраэль» – «Земля израильская», там находятся десятки святынь, упомянутых в Ветхом Завете и составляющих неотъемлемую часть истории еврейского народа. Но сейчас большинство населения на этих территориях составляют арабы – частью христиане, частью мусульмане, но равно отнесенные к «палестинцам». Что произошло бы в случае аннексии? Вероятно, палестинский террор удалось бы подавить. Но ведь Израиль – демократическая страна, стало быть, население аннексированных земель получило бы те же права, что и израильтяне-евреи. И тогда само будущее Израиля (как еврейского государства) было бы поставлено под угрозу. Через несколько поколений, даже при самом мирном развитии событий, евреи стали бы меньшинством в собственной стране, а Израиль (возможно, под каким-нибудь другим, не столь ненавистным названием) влился бы в нестройные ряды Лиги арабских стран, бесплодно и безнадежно противостоящих Западу.

Впрочем, такое виртуальное будущее едва ли имеет шансы сбыться – ему противостоит жестокое настоящее, нынешние нелегкие будни Израиля. Внутренняя безопасность, над укреплением которой с первых дней существования Израиля, не покладая рук, работали и все правительства, и армия, и поразительно эффективные секретные службы, внезапно оказалась под угрозой в середине июля 2006 года в результате провокационной вылазки базирующейся в Ливане террористической структуры «Хезболла» («Хизбалла» по-арабски, но я придерживаюсь персидского написания этого слова, означающего «Партия Бога», поскольку организация эта была создана в 1982 году боевиками иранской «Гвардии защитников исламской революции», своего рода «силами СС» ныне уже откровенно фашиствующего режима Тегерана).

Нападение «Хезболлы» прервало долгий период неспокойного мира между Израилем и его арабскими соседями, и в первую очередь – с Ливаном. Вы помните – в 2000 году Израиль, вытеснивший арафатовскую ПЛО из Южного Ливана, уступил место сирийской армии. Она тоже ушла, уступив место «Хезболле», занявшей подготовленные сирийской армией (и вполне профессионально) позиции. Дополнительно к этому были прорыты туннели, устроены ловушки и прочие военные хитрости, характерные для современного уровня партизанской войны. Наконец, были накоплены боеприпасы, в том числе не менее 13 тысяч ракетных снарядов различной дальности. Ни Ливан, ни тем более сама «Хезболла», вооружений не производят, во всяком случае, ракетных. Впрочем, источники особенно и не скрываются. Это и российские «Грады», «Иглы», и иранские «Зильзаль» с ракетами повышенной дальности, пришедшие к «Хезболле» после их модернизации в Иране, а до этого – в Северной Корее или в Китае.

Похитив двух израильских солдат (и убив еще восьмерых), «Хезболла» объявила, что обменяет их на «ливанских заключенных» в Израиле. При этом – выпустила новую порцию ракет по израильским городам. Как можно расценивать эти залпы с точки зрения международного права, ведь их целью явно и только являются мирные жители? Радетели «международного права», включая генсека ООН Кофи Аннана, решили промолчать на этот счет и обратить внимание на «бедственное положение ливанцев».

Дело вовсе не в итогах этой войны, сколь благоприятными или, наоборот, не слишком благоприятными они ни казались бы мировому сообществу. Все дело – в начале. Раньше трюки с похищением и обменом проходили (последний был в 2004 году) – сейчас не проходят. Раньше любое вступление израильских войск на территорию сопредельного государства немедленно осуждалось – теперь помалкивает даже Лига арабских стран, вяло реагирует Исламская конференция. Мир изменился с началом этой войны, и истерический выпад лидера фракции зеленых в бундестаге фрау Кюнаст, требовавшей от Ангелы Меркель прекратить поддержку Израиля, прозвучал как устаревший и пошловатый анекдот.

Дело не в том, кто начал эту войну, кто и в чем виноват. Кажется, мир начинает понимать более простой вопрос: кто есть кто. Дополнительным толчком явилась попытка массового убийства на трансконтинентальных авиалиниях между Англией и США. Президент Буш обозначил организаторов: «исламские фашисты». Возможно, он прав – надоело каждый раз определять различие между «неплохими» светскими исламистами и «гадкими» радикальными исламистами.

В борьбе с этими «гадкими» исламистами Израиль играет роль передового бастиона, оттягивает на себя большую часть ненависти исламо-фашистских орд. Его неудачи – это неудачи всего цивилизованного мира. Его успехи – это и наши успехи. Некая Юдит Бернштайн, член, как она уверяет, влиятельной и представленной во многих немецких городах организации «Еврейский голос за справедливый мир на Ближнем Востоке», германской секции организации «Европейские евреи за справедливый мир», в «Зюддойче цайтунг» требует введения санкций против Израиля, чтобы он прекратил любое использование оружия против арабских соседей, прекратил бы «ковровые бомбардировки» Ливана. Это обвинение – в «ковровых бомбардировках» – появилось в арабской пропаганде вскоре после начала войны, но быстро исчезло, кто-то исправил явную нелепость. Последний раз «ковровые бомбардировки» проводились во время вьетнамской войны, для этого специально вызывались тяжелые бомбардировщики «Б-52», способные нести на борту тысячи бомб. У Израиля таких самолетов просто нет, как нет и нужды в «ковровых бомбардировках» – другой характер местности, да и военная техника шагнула далеко вперед. Бомбы и ракеты с лазерным наведением поражают четко зафиксированные и отмеченные на дисплее цели, и если при этом погибают гражданские лица – значит, они были «живым щитом» для военных объектов.

Не Израиль надо защищать, увещевает Юдит Бернштайн канцлера Меркель, а палестинское население. Ведь не было бы «шестидневной войны» – не было бы и ХАМАС! Продолжим мысль: не было бы Израиля – не было бы и проблемы... Видимо, таким видится этому конкретному «еврейскому голосу» справедливый мир на Ближнем Востоке.

Думаю, что многие разделят мое возмущение позицией этой якобы «многочисленной», но никому не известной еврейской организации. Но вот ведь что удивительно – подобные взгляды вовсе не такая уж редкость в самом Израиле, и они прекрасно соседствуют с проповедью тотальной аннексии арабских земель или с призывами к массированным бомбардировкам Дамаска, Тегерана, Бейрута и других столиц недружественных государств. Таков Израиль – безудержная демократия, до драк в кнессете, шумные споры о политике или по любому другому поводу соседствуют с мужеством и собранностью людей на улицах в минуты опасности. Такова страна, уникальное положение которой в мире только сейчас начинают понимать и в Германии, и в других европейских странах.

Не случайно премьер-министр Израиля Эхуд Ольмерт назвал нынешнюю ситуацию на Ближнем Востоке «моментом истины». И даже вездесущая CNN, навязчиво показывавшая одни и те же кадры развалин в Южном Бейруте или плачущих ливанских детей, за что один из зрителей «поздравил» ее с успехами на ниве исламистской пропаганды, «сменила картинку», дав тем самым хоть какое-то представление о реальной картине событий. Дело ведь не в том, кто прав или кто виноват в каждом конкретном инциденте. Дело все-таки – в изначальных позициях, которые в ходе конфликта стали предельно очевидными и понятными всему миру. Одна из этих позиций: суверенитет Израиля неоспорим, как и его суверенное право противодействовать любым на него посягательствам. В зыбком и утопающем в противоречиях

своде международного права это, вроде бы, предусмотрено. Или нет, не предусмотрено, как считают арабские праведы, ссылающиеся при этом на десятки, если не сотни, антиизраильских резолюций, принятых Генеральной Ассамблеей ООН в годы «холодной войны». Мало кто знает, что резолюции Генассамблеи носят лишь рекомендательный характер; обязывает только Совет Безопасности. Впрочем, этот орган в старые времена «холодной войны» тоже принимал решения, которые сейчас поражают явной нелепостью. Разделенный на противоборствующие лагеря мир и не мог принимать действительно разумных решений, что-то обязательно приносилось в жертву во имя «высших интересов». Ведь иначе, не дай бог, ядерный конфликт...

Так или иначе, нынешняя резолюция 1701 Совета Безопасности подтверждает суверенные права Израиля. Да и сам он за те пять недель июля – августа 2006 года, пока шла дипломатическая схватка “бульдогов” под ковром, существенно улучшил свои позиции в противостоянии с экстремистами «Хезболлы».

Все время скатываюсь на анализ ситуации в привычных, годами испытанных параметрах. А ведь мир уже стал другим, и ситуация, хоть и похожа на прежние, но имеет уже другой смысл; и параметры не имеют отношения к телевизионным «страданиям арабских детей». Еврейских детей на севере Израиля убивали не по ошибке – они были целью иранских ракет «Хезболлы». Израильское телевидение не распространяло эти кадры по всему миру. Но, так или иначе, они оказались перед глазами зрителей во всем мире – скромные, лаконичные кадры, убеждающие в том, что жертвами террористических атак действительно становятся близкие нам люди, свободные граждане цивилизованного мира!

Удивительно – на этот раз трюки арабского телевидения заметили очень многие, не говоря уж о профессионалах. Английское агентство Рейтер отказалось от услуг ливанского фотографа, после того как обнаружился грубый монтаж в его снимках. Мы, правда, продолжаем смотреть столь же грубые, иногда совершенно неприличные поделки в репортажах с Ближнего Востока ведущих немецких программ. Прежние стереотипы не уходят легко, они, возможно, еще какое-то время будут искажать нам и зрение, и видение реального мира, проблемы которого сейчас выглядят совсем по-другому, нежели в старом, плоском, двухцветном варианте.

И все-таки – никто не смог отрицать правомерность израильского ответа на явно агрессивный акт «Хезболлы». И все чаще в европейском обществе можно встретить понимание проблем Израиля, которые все чаще становятся и европейскими проблемами. Понимание того, что Израиль – это аванпост Европы и всего цивилизованного мира, и если он потерпит поражение – это будет означать начало конца нашей цивилизации.

Не будем пессимистами – ведь мы уже обнаружили, что мир изменился. В извечном противостоянии добра и зла наш мир качнулся в сторону добра. Он по-прежнему остался двухполюсным, как бы ни настаивали Ширак или Путин на идее «мультиполярности», как бы они ни выпячивали свои наивно-националистические сантименты в качестве дополнительного «полюса». Реальный полюс зла, противостоящий всей мировой цивилизации, носит странную и неудачную кличку: «международный терроризм». Под эту формулировку можно подвести все, что угодно властям, – чеченский или тамильский сепаратизм, Ирландскую республиканскую армию, филиппинскую «Абу Саййаф» и десятки других организаций и движений, так и не добравшись до сути.

Как мы помним, президент США Буш со свойственной ему непосредственностью назвал это явление «исламский фашизм». Это верно лишь в том смысле, что идеология нашего нынешнего противника, да и способы его действий, столь же бесчеловечны, что и во времена Гитлера. Но вот всемогущей организации или партии, неизбежно связанной с понятием «фашизм», сейчас нет. Какие бы длинные руки не были у «Аль-Каиды», она на подобную роль не потянет. Часто можно встретить, особенно в русском Интернете, целые исследования о некоем «всемирном заговоре» против всего человечества, во главе которого, конечно же, стоят Соединенные Штаты, жаждущие всех поработить. Или – о глобальной террористической сети, управляемой из... страну можете назвать сами.

Не таков наш мир, чтобы «глобальная террористическая сеть» или гипотетическое «всемирное правительство» могло влиять на его развитие. И то, что происходит, – это вовсе не «конфликт цивилизаций», это конфликт цивилизации с варварами, не принимающими и даже отрицающими ценности мировой культуры.

«Фашизм», вероятно, не совсем точное определение того, с чем мы имеем дело и с чем можем столкнуться в любой день на наших хорошо обжитых улицах. Исламский экстремизм – тоже неточно, это имеет отношение лишь к каким-то его проявлениям. Есть другое слово, более

старое и полнее отражающее смысл многих событий, происходивших и до сих пор происходящих в Европе. Это слово – ненависть. Она действительно подпитывается исламскими проповедниками, которые непременно обращаются к средневековой истории «всемирной арабской империи», оставившей заметный след в мировой истории и культуре. И даже европейцы редко вспоминают, что понятия рыцарской доблести и чести, единоборства и турниры были восприняты европейским дворянством именно от арабов. Великий рыцарь периода Реконквисты, то есть отвоевания Испании от мавров, Родриго Нуньес де Бивар носил прозвище «Эль Сид», по-арабски «господин, властитель». Или «Сид Кампеадор» – Сид Воитель. Читать трагедию Расина – знать только часть истории. Ведь герой был привержен равно и христианской (бедной к тому времени), и арабской (не мусульманской, а именно арабской) культуре, которая принесла в Европу переводы древнегреческой классики и послужила одним из толчков, приведших к расцвету Возрождения.

Карл Мартелл, разгромивший арабские армии в битве при Пуатье в 732 году, остановил наступление ислама на Европу. Удивительно – те же сарацины, то есть арабы, занявшие Сицилию и Южную Италию, довольно быстро были христианизированы, ассимилированы и даже занимали определенные позиции в войсках Священной Римской империи. Потомков сейчас не найти, в церковных книгах лишь христианские имена без указания национальности. Не придавалось тогда этому никакого значения.

Впоследствии и Сицилия, и Южная Италия были завоеваны свирепыми норманнами, вожди которых, Боэмунд и Танкред, прославились во время Первого крестового похода. Следы мусульманских завоеваний утонули в бурной, богатой событиями истории средневековой Европы. Тем не менее, современные авторитеты исламизма постоянно напоминают о кораническом принципе, согласно которому то, что было завоевано воинами ислама, не может быть возвращено прежним владельцам. Стало быть, и Испания, и Италия, и часть Франции, равно как и Греция, и страны Балканского полуострова, да и значительная часть Украины и России, и сейчас должны принадлежать мусульманам.

Понятно, что бред. Тем не менее, апелляции к былому величию занимают солидное место в формировании мировоззрения выходцев из мусульманских стран, живущих в Европе. Споры о том, как проводить интеграционную политику, ведутся во многих европейских странах уже давно, они то утихают, то вспыхивают вновь после какого-нибудь значительного события – вроде затяжной вспышки вандализма во Франции, взрывов в лондонском метро или сорванной попытки массовых терактов на трансатлантических авиалиниях, связывающих Великобританию и США. Дискуссии постоянно идут и в Германии, но нигде это не меняет картины, которая с каждым месяцем становится все неприглядней.

Ах, Елисейские Поля в Париже! Для массового и неприязнательного туриста – *pes plus ultra*, конечная и, можно сказать, самая привлекательная цель в Столице мира. Посидеть в одном из многочисленных кафе под Эйфелевой башней, не забираясь даже на ее вершину – и все, «был в Париже»! Не тут-то было – все места в близлежащих кафе заняты, и надолго, крикливыми мужчинами в мятых пиджаках и дамами, закутанными в арабские одеяния, с непрременным головным платком – «хиджабом», а то и вообще в чадре. Или еще хуже – смуглыми юнцами, задирающими проходящих мимо молодых туристок. Еще хуже – в окраинных районах Парижа, куда французы просто боятся заходить.

Мои друзья-немцы, осевшие на пенсии в крошечном живописном Рёндорфе, на левом берегу Рейна, когда-то жили в Бад-Годесберге, прежде шикарном дипломатическом районе Бонна. И вот – они у подножия невысокотой горки Годесберг, увенчанной цилиндрической рыцарской башней. Вокруг – в лучшем случае цыганский табор, только одеяния черные и лица женщин закрыты. Даже в немногочисленных обычно бутиках полно людей, они не покупают, только присматриваются. В Париже в прошлом году тоже присматривались – и потом разграбили начисто, когда по всей Франции начались массовые поджоги. Мусульманские юнцы (многие из которых, кстати, имеют французский паспорт), разъезжавшие на мотоциклах, делали свое черное дело и смывались до приезда неспешной полиции. С большим трудом властям Парижа, да и всей Франции, удалось вновь овладеть ситуацией. Надолго ли? Неизвестно, ведь новая вылазка может иметь совсем другой характер. Враг изобретателен, а в том, что это именно враг, сомневаются разве что левые «интеллектуалы», объясняющие события «местью за колониальное прошлое Франции». Да уверяю вас, ни один из этих юных вандалов об этом прошлом и не слышал – если кто-то из них учится в школе, то занимает самые последние места по успеваемости. Очень близкая картина и в Германии – некоторые дети турецких и ближневосточных эмигрантов вообще не учатся, а те, кто все же посещает школу, знаниями не блещут и не стремятся выбиться

в люди, за редкими исключениями. Поэтому, кстати, столь огромное количество мусульманских детей на улицах европейских стран явно во время школьных занятий. Все-таки есть, конечно, и во Франции, и в Германии, и в других странах выходцы из мусульманской среды, достигшие немалых высот в общественном положении. Но это все же исключения, не правило.

«Ошибки в политике интеграции» – неизменно заявляют критики в Германии и те же «левые интеллектуалы» во Франции. Впрочем, ни в той, ни в другой стране никакой развернутой и единой политики интеграции и не существует. А как – эти из Косово, а эти – из Экваториальной Гвинеи, – поселить их в одном общежитии, а потом считать трупы? Считают ведь, таких случаев множество везде, где беженцев или эмигрантов принимают с распростертыми объятьями и не объясняют, что есть законы, и нельзя вести себя так, как в джунглях (или в горах, или в степи, или в Нигерии, или в Казахстане).

Фундаментальная ошибка всей интеграционной политики европейских стран состоит в том, что интегрировать (или даже ассимилировать) человека можно в том лишь случае, если он сам этого хочет. Для этого, кстати, ему нужно преодолевать немалое сопротивление общины, в которой он живет или из которой он происходит. Рассказы об этом сотнями появлялись и во французской, и немецкой прессе. Результат – нулевой. Правительства же исходят из того, что надо иметь дело не с отдельными личностями, а с целыми общинами. Мусульманской, православной, еврейской – все равно. По религиозному признаку. Или – по этническому, но это уже сложнее.

Но ни в том, ни в другом случае не принимаются во внимание серьезные отличительные характеристики, которые помогли бы интеграции. То, что определяется как «особый подход». Хотя – ведь для этого нужны специалисты, а кто же уступит им свое место в разбухших до предела и предельно неэффективных социальных ведомствах?

Самой легкой страной в смысле интеграции до сих пор считалась Великобритания. Действительно – индийцы, пакистанцы, бангладешцы, выходцы из Карибского бассейна изначально владеют английским языком (или хотя бы его диалектами), знакомы в той или иной мере с основными ценностями английской культуры. Но где остаются эти ценности, когда люди попадают в Англию, страну своей мечты? В Лондоне никогда не встретишь пренебрежительного отношения ни со стороны англичан, ни со стороны иностранцев – разве что в ресторане «New Orleans», где я целый час разбирался в тонкостях кухни «кажун» и выяснял особенности приготовления блюда под названием «джамбалай».

На самом же деле – препятствие интеграции состоит вовсе не в политике того или иного правительства. Оно состоит прежде всего в политике самих общин, некоторые из которых активно противодействуют интеграции. В первую очередь – мусульманских общин. Известна уже давно академия короля Фаха в Бонне, ее не раз ловили за руки, обвиняя в пропаганде насилия. Учебники быстро изменили, насилие против христиан и евреев – теперь предмет устного курса. Станут ли от этого ученики гуманнее или хотя бы разумнее? Едва ли. «Шахиды» растут на наших глазах, и мы это спокойно принимаем.

Точно так же выросли они и в благополучной Англии. Шок 7 июля 2005 года – все виновные являются гражданами Англии, хоть и происхождение их по большей части пакистанское. Нынешний шок 10 августа 2006 года (хоть бомбы в самолётах и не взорвались) демонстрирует лишь одно – получение гражданства не является показателем степени интеграции.

Мы много раз встречались, и в исторической литературе, и в рассказах людей, становившихся близкими друзьями, со страшным понятием «гетто». Не знаю. Евреев сгоняли в гетто во время войны, путь наружу был один – в лагерь смерти. Но были же еврейские гетто и в испанских городах и, наконец, в Амстердаме, существовавшие с одной целью – сохранить еврейскую идентичность. Точно так же, как в Старом Иерусалиме или в Цфате все время, еще со времен вавилонского пленения, жили религиозные евреи и молились, и века пронесли над ними, не тронув их, лишь дав им право и дальше творить святое дело.

Гетто – это не обязательно то место, куда сгоняют или которое люди сознательно выбирают как свою обитель. Гетто может находиться и внутри нас – это я не раз видел в Германии, где вполне дееспособные евреи заявляли, что они, дескать, не могут слышать немецкий язык, у них от него аллергия, что они могут находиться только в своей среде.

Самый первый и самый глупый вопрос: а какого черта ты сюда приперся? Мы его пропустим и обнаружим понятие: своя среда. Иными словами, гетто, определенная общность (в условиях регулярного общественного транспорта даже не ограниченная географически) людей, связанных происхождением, культурой, языком, и главное – неприятием окружающего мира как своего даже в неопределенном будущем.

Любой эмигрант, не слишком уверенный в себе, неизбежно становится обитателем гетто. Пусть даже ему удалось поселиться в другом районе – щупальца гетто достанут его где угодно. Когда-то я поработал немного в Бангладеш, выучил язык и через несколько лет подружился с компанией бенгальцев, работавших в Лондоне. Они были... бухгалтерами, и успешными – в то время людей этой скучной профессии в Англии недоставало. Они были прекрасно интегрированы в английское общество (среднего класса, разумеется) и не испытывали никакого дискомфорта ни в работе, ни на улице – их, низкорослых, щупленьких и темнолицых, никто не отличал от «своих».

Главное – что они поселились в скромном районе, где селились и их соотечественники. И началось – приходит «брат»: моя, дескать, двоюродная бабушка была родней – через третьего мужа – твоей троюродной бабушке! Стало быть – родные братья, и ты должен мне помочь! Хорошо еще, если индивидуальному проходимцу, хуже – если какой-то организации, настоящие намерения которой маскируются под гуманитарными лозунгами, вроде «помощи арабским беженцам». Подобных организаций и в Англии, и во всей Европе тысячи, и финансовые органы арестуют их счета только в том случае, если доказано, что средства перечислялись какой-то из организаций, признанной (в законном порядке) террористической.

Мои знакомые спаслись – встав на ноги, они переселились в район, куда щупальца гетто не дотягиваются, – пока, во всяком случае. Имен их я приводить не собираюсь. Я подписываю свои материалы своим именем, этого достаточно. Как-то редактор Борис Вайнблат по секрету признался: мы не переправляем тебе письма читателей, там какие-то «фетвы» арабских шейхов с угрозами в твой адрес. Зря, конечно, – было бы интересно им ответить.

Опасность мусульманского терроризма в Европе очевидна – уже никто не может утверждать, что взрывы в мадридских электричках, в лондонском метро, попытка (к счастью, неудачная) взорвать десятки гражданских самолетов на маршрутах из лондонских аэропортов в США – это стихийные взрывы недовольства. Это хорошо спланированные атаки, и едва ли вызвало удивление то, что разветвленная сеть «Аль-Каиды» брала за них ответственность. Арестованные в Лондоне и в Пакистане продолжают давать показания; и уже не вызывает удивления то, что все они – британские граждане. Это говорит лишь о тотальном провале интеграционной политики во всем Европейском союзе, идеологи которого по-прежнему настаивают на политике мультикультуры, «мульти-культи». Гетто, о которых мы говорили ранее, процветают и в Англии, и во Франции, и в Германии. Не территориальные анклав, как когда-то, – нынешние гетто основаны на духовной (или бездуховной) общности и могут объединять обитателей не только разных городских районов, но и разных городов. С другой стороны, их нельзя обвинить в принадлежности к какой-то единой организации. Главное – что они не хотят (или не могут) интегрироваться в окружающее общество и поэтому испытывают к нему глубокую ненависть. Их гетто действительно внутри, и к нему-то легче всего добиваются проповедники и агитаторы радикальных исламистских организаций. Достаточно простая схема, до которой не могут докопаться многочисленные органы, занимающиеся интеграцией. Когда что-то не срабатывает в предлагаемой ими системе – или вообще ничто не срабатывает, у них один аргумент – денег мало было. Интеграция, дескать, – дело дорогое. На самом деле интеграция – дело бесплатное. Тот, кто хочет быть достойным членом данного общества, прилагает собственные силы и даже платит собственные средства, чтобы им стать. Тот, кого «интегрируют» с помощью принудительных языковых курсов, принудительного устройства на работу (специалистов высочайшего класса отправляют на уборку кладбищ), едва ли проникнется мыслью о «ведущей немецкой культуре», ему и чудесный немецкий язык может стать ненавистным из-за идиотской «политики интеграции». И никаких положительных сдвигов в этом направлении не следует ожидать ни в одной из стран «Старой Европы» – слишком сильна бюрократия, которая получает огромные деньги за нулевые результаты – и требует еще больше, не обещая ничего взамен. К эмигрантам – и, соответственно, к потенциальным террористам – это никакого отношения не имеет.

Опасность исламского терроризма в Европе велика. Удивительно, что собственно мусульманские страны Европы такие, как Босния или Албания, не имеют к этому терроризму практически никакого отношения. А ведь в войсках Блистательной Порты албанцы часто служили ударной силой, многие из них занимали солидные посты. Паша греческого города Янины Али Тебелин, известный нам по роману Дюма «Граф Монте-Кристо», на самом деле не был благородным правителем – он безжалостно вырезал все население Янины, включая маленьких детей. Он был албанцем...

Впрочем, собственных амбиций, претензий на мировое господство у албанцев никогда не было. Да и мусульманство их не изначально – в 14-м веке полководец Александр Кастриоти, объединивший страну, получил от Папы Римского почетный титул «защитник престола». Впрочем, как и Сид Кампеадор, он мог вступать в отношения с иноверцами и получил имя Скандерберг (Искандер-бек), под которым и вошел в историю. Жестокий истребитель турок валашский господарь Влад Дракула, прозванный «Цепеш», то есть «сажающий на кол», тоже в конце концов отрекся от православной веры и ушел к туркам.

Самыми стойкими и в вере, и в стремлении противостоять иноземному нашествию, оказались венгры. Народ, вовсе не родственник ни одному из соседей (ближайшие родственники – Ханты-Мансийский округ нынешней России). Подвиги Яноша Хуняди и Матьяша Корвина стали легендой европейского Средневековья, на целое столетие задержав наступательный порыв Османской империи. И, наверное, если бы не венгры и столь же отважные поляки и чехи, турецко-мусульманские полчища смогли бы захватить Вену. В 1683 году генерал Штаремберг очень умело оборонялся от осаждавших Вену янычар, но силы уже были на исходе... Отважный офицер Юрий (Ежи Юзеф) Кульчицкий, уроженец Львова, пробился к армии союзников, которую собрал польский король Ян Собеский, и убедил его срочно выступить в поход. Вскоре турки были разгромлены, Вена спасена. В награду Кульчицкий выпросил себе триста мешков кофе, захваченных в турецком обозе. Он знал, с чем имел дело: когда-то побывал и в турецком плену. С этого момента пошла история знаменитого кофе по-венски, а памятник Кульчицкому и улица его имени – до сих пор в центре Вены...

С этого момента начался закат Османской империи и своеобразная «восточноевропейская Реконкиста, увенчавшаяся завоеванием независимости Греция, почти четыре века страдавшей под османским игом. Сейчас Греция – нормальная европейская страна, достойный член европейского сообщества, не испытывающая никаких комплексов по поводу совсем недавнего, в историческом плане, турецкого владычества. В отличие от России, идеологи которой до сих пор списывают отсталость страны на трехсотлетнее татаро-монгольское иго. Оно, впрочем, зачастую сводилось к выплате дани и к союзническим отношениям с Золотой Ордой. И даже православный святой Александр Невский, в 1242 году разбивший войска христианского же Немецкого ордена на Чудском озере, пользовался помощью татарской конницы...

Разумеется, длительное господство Османской империи в Восточной Европе оставило свои следы – и в виде экономической отсталости, закрепленной коммунистическим правлением, которая только теперь начинает постепенно исчезать. И в виде извращенной структуры общества, в котором до сих пор огромное место занимают самоуправство и коррупция. До реальной власти закона еще очень далеко. Есть польская мафия, румынская мафия, сербская или албанская, какая угодно, с которыми приходится иметь дело органам правопорядка «старой Европы». Все это может влиять на уровень уголовной преступности – но никак не на уровень угрозы терроризма. Мусульманские меньшинства в Болгарии или Македонии никоим образом не затронуты этим моровым поветрием – либо в силу малой досягаемости со стороны реальных игроков на исламистской арене, либо в силу обостренного инстинкта самосохранения.

Исламистская, а стало быть, террористическая опасность для Европы исходит вовсе не от коренных жителей, когда-то принявших ислам; вероятно даже и не от албанцев, вырезавших когда-то греческие города и селения. Это все – прежняя ненависть, которая сперва уступила место взаимной неприязни, а потом уж – взаимопониманию. На это понадобилось несколько веков...

Наш 20-й век (жителем 21-го я до сих пор не могу себя ощутить, не понимаю, что это такое) был настолько богат яркими событиями, что они заслоняли медленные процессы, вычлняя из них какие-то всплески, какие-то символы, которые и становились вехами века. «Битлз» – вот это событие. «Фултонская речь» Черчилля – никто не помнит. Долгий и болезненный период деколонизации вообще выпадает из истории: всего лишь Франция, Англия, Голландия и Бельгия отказались от своих заморских владений. Лишь Бельгия счастливо избежала массовой эмиграции конголезцев; в Голландии сотни тысяч выходцев из Индонезии, Суринама и Нидерландских Антиль; во Франции – алжирцев и марокканцев; в Англии – пакистанцев, индийцев, африканцев.

Голландские индонезийцы не представляют для властей никакой проблемы. В отличие от самой Индонезии, в голландской общине не наблюдается никаких признаков радикализации. Более того, солидные позиции занимает RMS (Republik Maluku Selatan) – самопровозглашенная республика Южно-Молукских островов, населенных преимущественно христианами, в последние годы подвергающихся насильственной мусульманизации.

Тем не менее, именно в Голландии был убит режиссер Тео ван Гог, известный своими правыми взглядами. Ясно, что индонезийцы не виноваты, и полиция быстро перестала искать в этом направлении. Кто же тогда? Глупый вопрос. Со времени массовой эмиграции из Индонезии в Голландию приехали десятки тысяч людей, не имеющих ни малейшего отношения к колониальному прошлому страны. Какое уж колониальное прошлое у Германии? В числе эмигрантов – никого из Юго-Западной Африки или из крошечной Гамбии. Из Эфиопии, бывшей когда-то под властью фашистской Италии, а потом вполне процветавшей при императоре Хайле Селассие первом, – огромное количество беженцев по всему миру, в том числе и в Германии. После организованной советскими агентами революции к власти пришел никому дотоле не известный Менгисту Хайле Мариам, уничтоживший императорскую власть. Она велась непрерывно со времен Соломона и царицы Савской... Но эфиопы – христиане, и даже марксистский режим не смог бы их подвигнуть на преступления, направленные против братьев по вере. Нет, нигде в Африке не найти следов террора. Разве что в Судане, стране, говорящей по-арабски, но населенной настолько невероятной смесью различных рас и племен, что единственной объединяющей основой для них становится ислам. Чернокорые визири, которых мы видели в сериале «Анжелики», были на самом деле – и были из Судана.

Сейчас, как убеждены разведорганы многих европейских стран, Судан стал полигоном для террористических групп радикальных исламских организаций. Что ж, это еще один повод для пристального наблюдения.

И все-таки пример Британии убеждает: враг среди нас. Пакистанское сообщество имеет самые тесные связи с прежней родиной, а родина изменилась кардинально за последние десятилетия. Генеральский режим, прочно удерживающий страну в рамках союзников Запада, не способен по-настоящему контролировать ситуацию внутри страны. Государство, родившееся в результате активности «Мусульманской Лиги» и ее лидера Мохаммеда Али Джинны, не отказалось ни от светских идей, ни от идеи «чистоты ислама». Ведь и само название государства несет в себе эту мысль: «Пакистан», «чистая страна». Может быть, отсюда такая сила, такое влияние исламистско-джихадистских течений именно в Пакистане? Ведь, в конце концов, режим талибов в Афганистане вырос именно из пакистанских медресе – средних религиозных школ? Они и сейчас все на месте, никто и не удосужился их закрыть или хотя бы перепроверить их контакты с постоянно приезжающими из Англии бывшими учениками. Результаты еще могут появиться, но сейчас они ничтожны. Хорошо сработала пакистанская разведка, английская тоже неплохо – но лишь в предотвращении теракта, а не в ликвидации его корней.

Не может быть, чтобы никто не знал о готовящихся терактах на трансатлантических авиалиниях. Не может быть, чтобы никто не знал о планируемых убийствах в лондонском метро или на трансатлантических авиалиниях. Люди молчат. Не потому, что боятся мести соседей, – молчат потому, что соседи тоже молчат. Организаторы «11 сентября» жили спокойно в Германии. Уровень безопасности с тех пор повысился, и вот опять – невзорвавшиеся бомбы в поездах. Что теперь? Военное положение в Европе?

Я думаю, переживем. Нас пугают. В этом случае самое главное – не испугаться или хотя бы не показать свой страх. Не может Европа, со всеми ее недостатками, но и со всеми великими достижениями, стать заложником откровенных подонков, лишь декларирующих свою принадлежность к исламу, на деле же исповедующих лишь одно чувство – ненависть. Ненависть, порожденную собственным бессилием.

Продолжение следует